

Наименования некоторых географических объектов и учреждений, имена и фамилии персонажей, имеющих реальные прототипы, в данном тексте изменены.

Некоторые из приведенных фактов искажены частично или полностью; отдельные события никогда не происходили в действительности.

Все это не является следствием недостаточной информированности автора, а лишь целенаправленной попыткой скрыть подробности проекта от определенных лиц, способных оказаться среди читателей.

Всем остальным автор приносит свои извинения.

Труднее всего человеку дается то, что дается не ему.

Я замолчал, потряс кофейник, добывая последние капли кофе. Единым залпом выпил: остывшая черная жижа отвратительного вкуса почти не подействовала. Я глянул на часы — ни фиги себе! — четыре часа пролетели незаметно. За окном ночь, машины затихли, только изредка прошуршит по мокрому асфальту запоздалый частник.

— Ну, как? — спросил я Вальку. — Понравилось?

Мог бы и не спрашивать, и так невооруженным глазом заметно: пробрало. За время моего рассказа он несколько раз бегал курить на лестничную клетку.

Хороший признак. Валька уже полгода бросает, сейчас третья стадия, не более пяти сигарет в день, так что если он зараз высмаливает дневную норму — это что-нибудь да значит. Я собрался даже плюнуть на все и разрешить ему курить в форточку, чего тут скромничать — идея рассказа так захватила меня самого, что не хотелось прерываться. Хорошо, припомнил вовремя, какой разнос устраивает Натка, стоит ей учуять никотиновый смрад, и решил не нарываться.

В последний раз Валька пропал на несколько минут, я уж начал беспокоиться, но тут в прихожей стукнула входная дверь, и до меня донеслась невнятная скороговорка. На кухню Валька вошел, пряча в карман телефон. Кому это он звонил? Жене, что ли? Типа «вернусь сегодня поздно, ложись спать, не жди...». Однако зацепило его, черт! Сейчас возьмется, как обычно, мои идеи в пух и прах раскритиковывать.

Валька молча сел, извлек сигаретную пачку, нервно помял ее в руках. Я удивленно уставился на нее — пачка была непочатая. Чего же это он — одну уже скурил, за вторую принялся?

— Слушай, Андрюха, — глаза его внезапно стали колючими и холодными, — кто тебе все это рассказал? Проект засекречен.

Я опешил.

— В смысле? Я же тебе говорю — только вчера придумал, затравка для нового романа...

В прихожей тренькнул звонок. Сначала коротко, потом зазвонил длинно и требовательно.

— Сиди спокойно, — Валька рывком поднялся на ноги. — Сиди пока. Я сам открою.

ПРОЛОГ

аперерез машине из-за гаражей выкатилась темно-красная «пятерка», мигнула поворотником и остановилась. Битое крыло и пятна ржавчины никак не вязались с тонированными стеклами и пружинящей иглой антенны на крыше.

Андрей вполголоса ругнулся, недобрым словом поминая пиджонов, которые вместо того, чтобы просто купить новую тачку, занимаются бесполезным украшательством ржавого старья. Хотел было подать назад, но там, словно из-под земли, вырос черный силуэт какой-то иномарки.

— Какого черта!

Справа подъехал еще и джип, угловатый и огромный, как броневик. Сильные фары осветили салон, Андрей инстинктивно прикрыл глаза руками. Все четыре двери тонированной «пятерки» разом открылись, вперед рванулось несколько стремительных фигур. В бестеневом свете ксеноновых фар движения казались смазанными, словно на плохо смонтированной киноплёнке.

Захват?

Дрожащей рукой Андрей нащупал в кармане трубку.

Кому звонить? Полковнику?

А может... может, как раз Петру Дмитриевичу надоело возиться с несговорчивым «клиентом», и именно он отдал приказ на задержание?

Или нет?

★ Андрей откинул панель с микрофоном — включилась подсветка дисплея.

Как он тогда сказал? «Еще много всяких интересных организаций существует. И наверняка со статистикой у них тоже все в порядке».

Секундное замешательство дорого обошлось Андрею. Не успел он набрать первые три цифры, как машину тряхнуло, сильная рука рванула левую дверь:

— Не трогай телефон!

Андрей трубку не убрал, сказал резко:

— И не подумай! Пусть мне Петр Дмитриевич сначала объяснит, что здесь...

Он не договорил. В щеку, больно надавив на челюсть, уперся пистолет.

— Я сказал — не трогай! Закрой, мать твою! Вот так. Брось на пол!

Трубка выскользнула из руки и укатилась куда-то под сиденье.

— Молодец. А теперь — вылезай!

— Зачем?

— Вылезай, тебе говорят! Ну!

Под дулом пистолета Андрей выбрался из машины. Ноги дрожали. За спиной кто-то опытный и безжалостный схватил его за локти, притянул руки друг к другу и защелкнул на запястьях наручники.

— Не рыпайся!

Перед ним стоял плотный крепыш в полувоенной камуфле — тот самый, с пистолетом. Бездонный зрачок «стечкина» холодно и равнодушно целил в лицо.

— Я про тебя кое-что знаю, — процедил крепыш. Андрей про себя решил называть его главарем. — Мне говорили. Так что слушай внимательно. У меня приказ привезти тебя в одно место, просто привезти, не причиняя вреда, — с тобой хотят поговорить. И я

этот приказ выполню. Постарайся мне не мешать, ясно? И запомни сразу: я повторять не люблю!

Для убедительности главарь ткнул Андрея пистолетом в грудь. «Стечкин» глухо щелкнул. Андрей даже не успел испугаться, как из рукоятки, сверкнув в свете фар медными бочонками патронов, вывалилась обойма. Звякнув, она ударилась об асфальт и закатилась под машину.

— Твою мать! — изумленно выругался главарь.

Не переставая материться, он потащил Андрея к джипу. Несколько боевиков обогнали их, открыли двери салона, один полез внутрь, на водительское кресло. Рыкнул двигатель, застучал на предельных оборотах и почти сразу же смолк. Потом еще раз, еще... Корпус «Лендкрузера» сотрясала мелкая дрожь, мотор чихал, пока, наконец, окончательно не заглох.

— Ну что там еще?!

— Не заводится, сука!

Главарь со всей силы пнул «Лендкрузер» в борт, схватил Андрея за ворот рубашки, притянул к себе:

— Твои штучки, гад?! Не зли меня! Помни, парень, достаточно мне позвонить — и от твоих баб даже на похоронить ничего не останется. Понял меня?!

Андрей вздрогнул, страх за девчонок окатил его ледяной волной. Господи! Теперь еще и это!

Стараясь не выдать своего волнения, он сказал:

— Понял, понял... Только от меня это...

— Молчи! Раз понял — молчи и делай все, что тебе скажут! — Главарь нагнулся в салон джипа, вытащил из паза переговорник рации. Следом потянулся черный, закрученный спиралью шнур.

— Запасную сюда! — приказал он и, не дожидаясь ответа, небрежно закинул рацию на сиденье. — Вылезайте! Ты и ты — со мной! А ты, — он указал рукой на

★ боевика, который, все еще надеясь завести машину, колдовал над бортовым компьютером. — Гаси всю эту иллюминацию! Спрячешься в гаражах, переждешь. Минут через десять после нашего отъезда эвакуируешь машину...

— Но как...

— Слушай меня! Как только мы уедем, машина сразу заведется, понял?! Не спрашивай почему! Заведется — и все! Если же нет... — главарь сплюнул, — уничтожишь машину и уходишь. Тихо уходишь, оружие применять запрещаю. Ясно?!

— Так точно!

— ... где они там!!

Он снова выхватил из салона переговорник, выматерился в микрофон:

— ...!!! Сколько я буду ждать?!

Рация зашипела, сквозь треск донеслись какие-то слова.

— Что?! Не слышу!

— ... (шшшрш) мать... (шшрш) ...ся!

— Ничего не слышу! Переключите канал! Ну, что у вас там?

Вместо ответа откуда-то из-за дальних гаражных рядов выскочил человек. Несмотря на камуфляж и заметную воинскую выправку, вид у него был несколько ошарашенный.

— Не заводится, командир! Аккумулятор в ноль!! Разрядился, собака! За каких-то пять минут разрядился! Не понимаю, как...

В ярости швырнув рацию об асфальт, главарь мотнул головой в сторону Андрея:

— Быстро!! Взять — и к ноль-третьему!

Андрея подхватили под локти и потащили к давш-

ней ржавой «пятерке» с такой скоростью, что он едва успевал переставлять ноги.

— Быстрее! Шевелитесь!

Боевик, первым подскочивший к «Жигулям», дернул ручку водительской двери, поскользнулся и, нелепо взмахнув рукой, завалился плечом прямо на полуоткрытую дверь.

— Цел? Не ранен? — главарь уже стоял рядом, настороженно обводя гаражный пяточок дулом пистолета. Со стороны действительно могло показаться, что незадачливого водителя достал невидимый снайпер.

Неестественно вывернутая правая рука боевика повисла плетью. Он попытался встать, неловко оперся на нее и вскрикнул от боли.

— Что с тобой?

— Рука! Ключицу сломал, похоже...

Пострадавшего мигом вздернули на ноги, увели куда-то в сторону от машины. Главарь повернулся к Андрею, процедил сквозь сжатые зубы:

— Ну, парень...

Первый шок от испуга прошел, теперь Андрей смотрел на своих похитителей даже с некоторым интересом: получится или не получится? Он пожал плечами.

— От меня ничего не зависит.

Главарь указал на другого боевика:

— Ты поведешь!

Тот вздрогнул, кивнул и нерешительно затоптался у машины.

— Быстрее! — рявкнул главарь. — Сколько нам здесь торчать? А ты, — пистолет снова уперся в грудь Андрею, — завязывай со своими фокусами, ублюдок!!

«А ведь он меня боится, боится до судорог! Единственный из всех. Интересно, что ему такого нарасказали?»

— Чем дольше ты будешь орать, скрежетать зубами и размахивать пушкой, тем меньше у тебя шансов вообще когда-либо отсюда уехать. Она не любит угроз и прямой опасности.

Главварь посмотрел на Андрея с ненавистью, но пистолет убрал.

— Ты меня еще пугать будешь! — все еще злобно, но уже на полтона ниже, рыкнул он. — Садись в машину! Сам! А если что — пеняй на себя! На крайний случай мы и усыпить можем. И не только тебя!

— Уверен? — спросил Андрей с насмешкой, но в машину все-таки полез. Хватит Удачу испытывать.

ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ

Есть три вещи, которые должны делать профессионалы, — лечить, учить, убивать. С остальным справятся и дилетанты.

1

нимание! Пост-семь наружке-тридцать три. Объект вышел из дома, идет по двору в направлении южного въезда.

— Принял, пост-семь. Объект вижу. Наружка-тридцать три передвигному-два.

Объект без машины, сопровождаем пока мы. Возможно, объект будет ловить попутку. Ждите сигнала.

— Передвигной-два наружке-тридцать три. Вас поняли, ждем.

— Я наружка-тридцать три. Объект спускается в метро. Передайте наружке-восемь, пусть встретит. В ближайшие тридцать минут буду без связи.

На троллейбусной остановке толпился народ, и Андрей решил не ждать — себе дорожке. Электрическая гусеница, звеня по асфальту цепочками заземлителей, ползет с черепашьей скоростью — из-за пробок — от остановки к остановке. Внутри — толкучка, раскаленный салон, задраенные с зимы люки, осатавшиеся от духоты потные пассажиры... Нет уж, лучше пешком. Если не слишком торопиться, то до метро можно пройти минут за пятнадцать. Правда, придется топтать по солнечной стороне, ну да ничего — москов-

ское лето еще не взялось жарить на полную катушку, пока даже приятно прогуляться по солнышку. Да и через аллею всегда можно крюк сделать — жиденская листва чахлых тополей обеспечит какую-никакую тень.

Почему-то вспомнился Стоунхэдж. Прошлую ночь Сибирь снилась, тундра, вертолеты... а теперь — Британия, расцвеченные золотисто-розовыми прикосновениями рассвета громады Стоунхэджа.

Андрей недовольно покачал головой. Стареть, что ли, начал? «Бойцы вспоминают минувшие дни...» Или просто потому, что второй день подряд стоит ясная, солнечная погода, нормальная, в принципе, для начала июня, но после двух недель бесконечных дождей и уныло-серой мглы над головой хочется пробежаться, как мальчишка, по высыхающим лужам, впервые в этом году порадоваться по-настоящему летнему теплу.

Народ уже начал разоблачаться, мужская часть населения шествует по городу в легких рубашках, вытирая потные лбы и лысины разноцветными платками. Слава богу, дело пока не дошло до пляжных шорт, вошедших в городскую моду с подачи раскованных американцев. Но если такая погода продержится хотя бы недельку — точно замелькают на улицах «багамы» тропических расцветок. Оглядываться, конечно, уже не будут — привыкли, но, прямо скажем, среди джунглей мегаполиса, среди стекла, асфальта и бетона мода пляжей Малибу смотрится по-идиотски.

Слабый же пол, как водится, пустился во все тяжкие, подставляя солнечным лучам шею, плечи, ноги, живот... Да-а, аварий сегодня явно прибавится. Мужчины по непреодолимой своей природе вместо того, чтобы следить за дорогой, больше будут на девушек заглядываться.

Выходит, и к лучшему, что машина закапризничала. Пока в сервисе стоит — целее будет.

А началось все совершенно неожиданно, что называется, на пустом месте. Вчера Андрей обещал заехать к отцу, но, к сожалению, чуть припозднился на работе, выехал уже после шести и — как результат — влетел в пробку на Садовом. На полчаса, не меньше, привычно замариновался в чадящий бензиновым перегаром железный монолит. Машины двигались еле-еле, асфальт казался мокрым в дрожащем мареве разогретого солнцем и моторами воздуха, лакированные борта и хромированные бамперы слепили глаза. Несколько тачек не первой свежести уже загорали у обочины с поднятым капотом. Из закипевших радиаторов клубами валил пар.

Была бы хоть магнитола, музыку бы послушал или новости, а так — сиди, смотри, как загнипнотизированный, в одну и ту же точку. Как бы не заснуть! И голова раскалывается, подлюка, — денек тогда на работе тот еще выдался. Хотя когда это в туристическом бизнесе летом расслабуха была? Русского человека ни терроризм, ни война, ни болезни не испугают, главное, чтобы дешево и море недалеко.

Ну, ничего. Сейчас бы только Кольцо проскочить да самое начало проспекта Мира, а там — по новой эстакаде разгонимся километров за сто, рванем с ветерком, как заправский формульный болид!

Андрей лениво давил педаль, машина, дернувшись, проползала несколько метров, и снова приходилось жать на тормоз. И вдруг после очередного рывка разом легли все стрелки на приборной панели.

— Что?..

Сзади требовательно посигналили. Андрей вдавил аварийку, однако клавиша не зажглась, не защелкало

и реле — тишина. Похоже, всю электрику выбило напроць. И надо же такому случиться! Ладно бы только аварийка, доехал спокойно до дома, там и разобрался, но ведь теперь ни стоп-сигналы не работают, ни поворотники. Любой гаишник на ура придерется, да так, что и сотней не отделаешься. Не говоря уж о том, что в такой пробке без «стопов» в зад получить легче легкого. Еще и виноват будешь.

Бывшая отцовская «шестерка», которую Андрей по укоренившейся привычке называл «Синенькой», особенно часто его не огорчала, хотя лет ей уже немало. Сначала отец проезжал на ней почти год, потом подарил сыну на защиту диплома, да и сам Андрей за рулем уже без малого шесть лет. Так что жаловаться нечего — наши машины столько не живут, разве что в музее, под стеклом. Впрочем, все от ухода зависит.

Вызвав новый хор возмущенных гудков, Андрей кое-как съехал на обочину. Из проезжавшей мимо обшарпанной «Волги» с двумя рулонами рубероида на крыше высунулся потный дачник:

— Ну ты! Чайник! Аварийку вруби!

Андрей выбрался из машины, поднял капот. Коробка с предохранителями давным-давно утратила свой первоначальный цвет, крышка засалена настолько, что притрагиваться к ней не хотелось. С трудом преодолев вполне естественную брезгливость, Андрей потыкал пальцем в предохранители, без всякой надежды заглянул в кабину. Лампочка аварийки так и не зажглась.

С трудом разыскав в барсетке визитку автосервиса «ВАЗ-хоум», Андрей вызвал эвакуаторов. Хорошо, что довольный клиент вручил ему недавно дисконтную карту, а то сейчас три шкуры содрали бы за вызов в час пик, да еще на переполненное Садовое.

— ...да, что-то с электрикой, стрелки легли — и все, молчок. Аварийка, поворотники — ничего не работает. Нет, фары не пробовал. Сейчас, секунду...

Фары тоже не горели, Андрей несколько раз пощелкал рычажком дальнего света — безрезультатно.

— Не работают. Хорошо, жду. Нет-нет, никуда не уеду, подожду, чего ж теперь... Только учтите — здесь пробка, ваши просто так не проедут.

Пока ждал эвакуаторов, позвонил тому самому клиенту, старшему механику «ВАЗ-хоума»:

— Олег? Привет, Андрей говорит.

— Андрей... э-э... — собеседник замялся, явно перебирая в уме все три сотни знакомых Андреев.

— Из «Евротура».

— А-а! Добрый день, Андрей! Какие проблемы?

— Да понимаешь, я тут встал ни к селу, ни к городу, посреди Садового, электрика вся целиком отрубилась, вызвал ваших, жду вот. Через пару часиков к тебе привезут, ты уж посмотри, ладно?

— Не вопрос, конечно! Небось, со схемой намудрили, как я и говорил, вот и выбило чего-нибудь. Зачем надо было ту сигналку ставить? Предупреждал же!

— Предупреждал, спорить не буду. А что сделаешь? Подарили вот, куда ее девать-то?.. Да и поначалу все в порядке было. Я в Суздаль успел съездить по конторским делам.

— И чего — все нормально было? Электрика не гасла?

— Да, все о'кей. Ладно, ты извини, я по сотовому звоню... Приеду забирать, тогда и пообщаемся.

— Конечно-конечно. Сам твою тачку погляжу, никому не доверю. Завтра звякну — что и как, лады?

— Договорились. Все, пока. Пойду ваших встречать.

Дождавшись эвакуаторов, Андрей поймал машину — спускаться в метро сил уже не было. Дома позвонил отцу, извинился, рассказал все и обещал «подъехать буквально на днях». А потом его быстро сморило, даже не успел проспекты посмотреть, а ведь специально с работы прихватил, чтобы прочитательнее. Контора планировала открыть автобусный тур-однодневку в Суздаль, Андрею поручили изучить качество местных экскурсбюро: стоит с ними заключать договора или лучше своих гидов подготовить. Для того и гонял в древний город на прошлой неделе. Надо отчет писать, а в офисе это под силу разве что Юлию Цезарю, никому больше. Тяжело одновременно печатать что-то осмысленное и разговаривать сразу по трем телефонам.

А теперь и дома не получилось — заснул без задних ног. Ночью снилась Сибирь, бескрайний зеленый ковер под брюхом надсадно ревущего транспортника...

Зато проснулся отдохнувшим. Бодрый такой получился Андрей Игоревич, старший менеджер «Евротура», просто держись! Да и настроение вверх поползло, стоило только на улицу выйти. Солнышко припекает, но не сильно, скорее ласково, голоногие девчонки кругом так и шастают, а те сорвиголовы, что на роликах, мимо пролетают в такой одежонке — держите меня четверо! А им чего? Каникулы... Везет, блин! А кому-то опять надо переться в душный офис, сидеть там в окружении вечно трезвонящих телефонов, разбирать почту, без конца отсылать и принимать факсы... Бр-р...

Метро, правда, подкачало. Духота, жара, запахи все, какие надо, и никакая новомодная «Рексона» не помогает... Народу набилось, как сельдей в бочке. Будто бы именно сегодня, сейчас, вся Москва плюс сразу

все гости столицы решили спуститься под землю. Все четырнадцать миллионов. Специально, гады, ждали, пока Андрей соберется в метро! Добро, мол, пожаловать, дорогой!

На работу он приехал изрядно помятым, но настроения не растерял. Даже клиентам отвечал приветливо, на курьеров не рычал и не желал, как обычно — про себя, — соответствующих пеших прогулок введливому начальству.

Но долго радоваться не удалось. Не дали. Весь повышенный тонус разом сошел на нет, стоило только позвонить девушке из автосервиса:

— Андрея Игоревича, пожалуйста.

Голосок хоть и красивый, но какой-то холодный, безэмоциональный, прямо Снежная Королева. Ее величество снизошли пообщаться...

— Да, я слушаю.

— Добрый день, вас беспокоят из автосалона «ВАЗ-хоум». Вчера в наш технический центр был доставлен автомобиль марки «ВАЗ-21063»...

И пошла, и пошла... Теперь уж не «Снежная Королева», а чистый соловей! Какие неисправности были заявлены, каким тестам машина подвергнута, какие новые неисправности обнаружены... и Андрей понял, что сейчас его будут разводить на деньги. Вот прямо сейчас, после «магических» слов: «примерная стоимость работ»...

— Девушка, скажите прямо — сколько?

«Королева», сбившись с мысли, на секунду замолчала, и Андрей с тоской подумал о гримасах русского бизнеса. Стандартная практика автосервисов... Приезжает автолюбитель масло в тачке поменять, а его тут же, запугивая аварией, уговаривают перебрать

двигатель, коробку, поставить новый аккумулятор, хорошо если не кузов.

Объясняться с «мисс Холод» Андрею не хотелось, он еще надеялся сохранить остатки хорошего настроения.

— Простите, а Олег сейчас на месте?

— Секунду, я узнаю...

В трубке пару раз щелкнуло, примерно с полминуты попищала невыносимая однотонная мелодия — гимн эпохи офисных АТС, после чего «Снежная Королева» снова объявилась на том конце провода:

— Извините, но его сейчас нет. На выезде. Передать, чтобы с вами связался?

— Да, пожалуйста...

Олег перезвонил только в конце рабочего дня, когда Андрей уже собирался уходить.

— Ну, я тебе скажу, повезло, что вчера тачку пригнал. С электрикой-то проблему быстро поправили, там мелочовка была, минут на сорок работы... А на досуге я еще и ходовую решил посмотреть. И чуть инфаркт не заработал. Ты, Андрей, по краю ездил. Еще два-три дня, и правая шаровая полетела бы на хрен. Трещина такая, что все на честном слове держалось! Хорошо, если подломилось бы где-нибудь во дворе, при развороте, а если на трассе... Представляешь?! Костей бы не собрали! Но ты не волнуйся: заменим, подчистим, все будет как новое! Завтра к вечеру я отзвонюсь, расскажу, как дела продвигаются.

Мастер отключился, а Андрей так и застыл на месте с телефонной трубкой в руке. Ведь он как раз собирался, выскочив, наконец, из пробки, втопить по эстакаде на полную, километров под сто.

Услужливая память быстренько подбросила соответствующие моменту кадры из любимой «Формулы-1»:

вот по финишной прямой проносится сверкающий болид, крупный план с боковой камеры выхватывает бешено вращающееся колесо... Андрей живо представил на его месте знакомую синюю «шаху». На полной скорости машина неожиданно оседает на правую сторону, неуправляемую «шестерку» моментально срыгает со своего ряда, она крутится в ворохе фиолетовых искр, юзом пролетает разделительную полосу... Мгновением позже в борт «Синенькой» бьет многотонный, похожий в своей неудержимости на носорога «мерседесовский» джип. Удар отбрасывает легковушку на обочину, машина скрежещет правым бортом по бетонному отбойнику и застывает неподвижно, смятая, искореженная, раздавленная чудовищными перегрузками. Все вокруг застывает, скрипят тормоза, и лишь медленно, неестественно медленно катится по мостовой оторванное колесо, падает, еще минуту качается из стороны в сторону, наконец, замирает.

Да-а...

Короткие, резкие гудки привлекли внимание, Андрей положил трубку на место. Телефон немедленно затрезвонил снова, но подходить не хотелось.

А он еще по поводу электрики переживал. В зад, мол, дадут, виноват будешь, а оплатить никакой страховки не хватит. Так, выходит, та самая «мелочовка» в схеме, про которую Олег говорил, ему жизнь спасла?

Андрей с усилием потер лоб, откинулся в кресле, не обращая внимания на трезвонящий телефон.

Вот так. Живешь-живешь, а какая-то мелочь, которую ты просто не в состоянии учесть, а то и просто знать не знаешь, уже готовит тебе пропуск на тот свет. Гм, не удивительно тогда, что люди в религию с таких дел ударяются. Волей-неволей начнешь верить в божественное провидение.

★

Лучше всего в буддисты записаться. Чтоб на все смотреть со спокойным фатализмом: какие, мол, проблемы, если после смерти все равно червяками переродимся!

Ощущение липкого, ирреального страха притупилось, привычно-ироничное отношение к жизни взяло вверх. Андрей покачал головой, почти с усилием хмыкнул:

«Тоже мне, буддист! Поздно рыпаться. Раньше надо было, в Японии еще, когда шанс такой представился. Там, конечно, синтоизм больше в почете, но и буддистов немало. Чего ж зевал? Не надо было? Вот то-то и оно. Когда прижмет старуха с косой, все мы такими верующими заделываемся, любо-дорого посмотреть! А до того?»

Ладно, хватит нервы трепать попусту. Что толку пугаться того, что не случилось и теперь уже не случится? Если бы... если бы. Как в детстве дразнились: «Если бы да кабы, то во рту выросли бы грибы! И был бы не рот, а целый огород!»

И вообще — домой пора.

— Пост-четыре наружке-восемь. Объект выходит.

— Принял, пост-четыре. Следую за объектом.

— Внимание всем! По нашим данным, объект идентифицирован с вероятностью в шестьдесят два процента. Возможно, это именно то, что мы ищем. Получено первое подтверждение. Будьте предельно внимательны, держите дистанцию. Никаких близких контактов! Что бы ни случилось — наблюдать и не вмешиваться без приказа. Ясно?

— Пост-четыре общей. Вас понял.

— Наружка-восемь общей. Принял.

1980, Западная Сибирь, Медвежье

1983 год, Якутская АССР, Тас-Тумус

Они так и остались в памяти вместе — детство и Сибирь.

Девять поездок за два года — десятки тысяч километров бесконечного зеленого моря, изредка прорезанного серебристыми змейками рек, или слепящая от горизонта до горизонта снежная подушка тундры, что неторопливо раскручивается под брюхом транспортного «Ми-8».

Там, в Сибири, вообще все неторопливое. Времена года вдумчиво и надолго сменяют друг друга, а ближе к северу даже ночь и день — чуть ли не целые исторические эпохи.

И люди такие же: основательно, без спешки, зато без авралов и лихачества работают, спокойно и размеренно отдыхают. И никак не могут понять этих бешеных городских, что прилетели на буровую под вечер, разом перемахнув за ночь десяток тысяч кмэ и четыре часовых пояса. И сразу же, отчаянно зевая, сорвались на «Медвежье», на двенадцатую скважину, не успев акклиматизироваться, привыкнуть к новому времени, да хотя бы выспаться. Куда, мол, торопятся? Чай, не на пожар... Качают головами неодобрительно:

— А этот, инженер-то, видал, сынишку с собой привез. У бедного парня глаза слипаются, а папаша все равно в вертолет тянет.

Мама умерла, когда Андрею еще и двух лет не было — она осталась для него образом, каким-то светлым ликом, без конкретных черт. Отцу, инженеру-гляциологу, специалисту по бурению в вечной мерзлоте, часто приходилось командироваться как раз ту-

да, где этой самой мерзлоты навалом. Черт его дернул написать ту работу, которую на все лады расхваливал грузный, черноволосый дядя Арсений, начальник отдела и лучший друг. Революционный метод сверхглубокого бурения, кандидатская степень, премия, новая двухкомнатная квартира. Большую часть года — пустая. Отец все время в разъездах, а маленький Андрейка, естественно, с ним, хоть и было ему тогда всего восемь. А куда деваться? Не оставлять же, в самом деле, крикливой и вечно раздраженной бабе Ире, Ирине Сергеевне, как называл тещу отец... Парень растет серьезным, самостоятельным — пусть лучше будет под отцовским присмотром. Заодно, мол, и мир посмотрит.

Мир не мир, а Сибири Андрейка насмотрелся. Бескрайние, словно бы даже инопланетные пейзажи... Инопланетные — не в смысле нереальные, а в смысле почти полного отсутствия следов пребывания людей. Необитаемый остров. Да какой там остров! Необитаемый материк! Это в центральной части страны — едешь на поезде, даже пусть сквозь самую дикую чащобу (хотя откуда ей там взяться, дикой-то?), вдруг — облупленный шлагбаум, покосившийся домик обходчика, поросший всякой там лебедой и подорожниками неширокий проселок, наискось пересекающий стальную нитку рельсов. Или как вестник техногенной цивилизации — немыслимой высоты опоры ЛЭП, чем-то похожие на марсианские треножки, гудящие, *наслаждающиеся* мегавольтами и мегаваттами энергии.

А здесь — ничего. Вертолет летит уже полтора часа, за бортом лопасти бешено молотят кисельную пелену туманного воздуха, а внизу... Тайга — ровная, как стол, без конца и края.

Поездка на местном автобусе вообще сродни внеземному вояжу «Лунохода-1».

Автобус? Откуда он здесь, где дороги становятся проезжими лишь на два месяца в году? Геологи, буровики, вообще *таежники*, так шутят. Старый гусеничный вездеход, проржавевшие кубики болотных понтонов по бокам, заляпанные грязью маленькие смотровые стеклышки. Стрельнул выхлопом, дизель надсадно закашлялся плохой соляркой. Водитель про себя в очередной раз помянул недобрым словом снабженцев и заправщиков со склада ГСМ, ну и, как водится, — директора мехпарка и всю страну в целом. Чтоб им всем!

А-а, все-таки завелся. И медленно, переваливаясь на поваленных гниющих стволах, попер, как древний какой-нибудь стегозавр, попер вперед, уминая траками непролазную грязь в нечто, похожее на дорогу. Автобус... Хорошо не трамвай. Юмор тут у людей свой, специфический, могли и трясогузкой обозвать — дергает, трясет нещадно, сквозь кожзамовую обивку сидений давно уже прощупываются стальные ребра каркаса, кругом какие-то острые углы, огромные тюки. А амортизаторов, естественно, и в проекте не было, так что зад отбить, особенно с непривычки, — самое плевое дело.

С «автобусом» этим и вышел у Андрея казус. Надолго запомнилось. Была зима, вездеход двигался быстрее, чем обычно, ну и позволял себе, естественно, остановки, в маршруте не предусмотренные. А что горючего потрачено больше нормы, так водитель всегда отбрешется. Завяз, мол, — тропу завалило, по снежной целине решил объехать и завяз, — без троса и лебедки никак было не вылезти, а уж жрет она, подлюка, сами знаете.

Пока с «автобуса» сгружали тюки с припасами и почтой, пока водитель идиоматически выдержанно

объяснялся с начальником партии насчет запоздания, пассажиры вышли размять ноги. Было их четверо всего — Андрей с отцом, буровой мастер, отпускник с той же скважины, да заросший бородой до бровей охотник-зимовщик. Таких пассажиров возить не полагалось — пассажиров вообще изначально возить не полагалось, грузовой же вездеход. Но в непогоду, в туман, в дождь, осенью, а особенно зимой, когда вертолет и на пятьдесят метров взлететь не может — обледеневаает корпус, сотни таких же вот приземистых вездеходов трудолюбиво ползают по тайге. От буровой к поселку геологов. От старательской заимки до базового лагеря. Берут пассажиров, берут, а как же, вот и сиденья даже приспособили. Сиденья — это обычные канцелярские стулья со спиленными ножками, приваренные прямо к полу. Таких, как Андреев отец, подсаживают без вопросов — у него бумажка есть, а если что непонятно, можно и начальника геологоразведки позвать, он на пальцах быстро все объяснит. Охотник же — пассажир совсем запрещенный, безбилетник-безбумажник, значит, должен платить. Деньги живые в тайге большая редкость — они где-то там, на Большой земле, в сберкассе на счету, в лучшем случае — в окошечке бухгалтерии Салехардского геологуправления. А чем еще охотнику платить? Найдется чем: свежим оленьим окороком или медвежьей шкурой, лишним выстрелом подпорченной. Не заладилась, видать, охота. Бывает. Здесь и не такое бывает...

Андрейка оказался как бы сам по себе. Отец о чем-то с буровиком разговорился, охотник вообще за всю дорогу хорошо если два слова сказал, — молчун, да и только. Постоял Андрейка, посмотрел по сторонам, потоптался на примятом снегу, да и засобирался об-

ратно в вездеход. А чего делать-то? Снега кругом море, вездеход траками сугроб примял, стоит, чуть накренившись, — как тут не побегать с гиканьем вокруг остывающей машины, изображая бойца с гранатой и фашистский танк. Жалко, не выйдет. Валенки детского размера на складе базы, естественно, не нашлось — выдали размеров на шесть больше — того и гляди, потеряешь в первом же сугробе.

Повернулся Андрейка, взялся рукой за скобу на боковой дверке и прилип. Ни туда ни сюда, как приклеенный, а скоба металлическая, на морозе промерзшая, холодно. Дернулся — нет, не получается, прихватило намертво, дернул сильнее — ладонь пронзила боль, зато рука на свободе. Андрейка посмотрел на скобу и обомлел — лоскуток кожи висит, а с руки кровь капает. Заплакал Андрейка, отец на плач повернулся, подбежал, начал утешать, да и все взрослые кругом засуветились, забегали, отвели к врачу.

Врач, веселый разговорчивый дядька, Андрейке понравился. Шутил, когда промывал руку спиртом, смеялся, когда смазывал йодом, когда бинтовал, тоже смеялся. Ладонь сразу защипало, но стоило Андрейке пару раз шмыгнуть носом, доктор брови к переносице сдвинул, сказал:

— Ну-ну, отставить сырость! Разве настоящие мужчины плачут? Нам тут плаксы не нужны...

После таких слов, понятное дело, Андрейка все вытерпел до конца, стиснув зубы. Даже не всхлипнул ни разу.

Отец потом объяснил, что при очень низкой температуре, градусов ниже сорока, все в природе меняется, все по-другому. Трескаются крепкие на вид стволы деревьев, густеет бензин, резина крошится, как засохшая штукатурка. Вот так и металл — ни в коем

случае нельзя, чтобы он прикасался к голой коже. Потом только с ней, с кожей, и оторвешь. Андрейка хлюпал носом, баюкая ноющую руку, но держался — заплакать нельзя!

Второй случай тоже такой... Личный очень. Андрейке уже почти десять, этой осенью он пойдет в третий класс. Тяжелый транспортный «Ми-26» возвращается в Якутск с газового месторождения. Название у него забавное, местное — Тас-Тумус, наверняка, с якутского как-нибудь очень красиво переводится. Как вот Уренгой, например, — так звали дочь местного бога Солнца, которая обернулась кошкой, проползла подземной пещерой полмира и спасла папеньку. И до сих пор ползает, каждый год, чтобы долгая зимняя ночь сменялась таким же полугодовым днем.

Огромный тридцатитонный вертолет пуст — разгрузился у геологов, теперь летит обратно на базу. Повезло Андрейке с отцом, могли еще дней пять попутного транспорта ждать, а так уже вечером будут в Якутске, и уже завтра — Москва!

Впрочем везенье это — тот еще подарок. Лететь в пустом брюхе транспортника, гулком, словно африканский там-там, грохочущем так, что и разговаривать невозможно, сотрясаемом натужным ревом двух турбин, — не самое большое удовольствие в жизни. Сердобольные летчики набросали груды какого-то тряпья: зимние комбинезоны, старые парашюты, стеганые ватники — чего только не нашлось в большом вертолетном хозяйстве! Там и примостились. Пока воздух был ясный, пассажиров даже звали в кабину, чувствовалось, что вертолетчикам стыдно за бедность обстановки. Отец не пошел, задумался над какими-то своими бумажками, а Андрейку пилоты встретили ласково. Показали огромную приборную доску, где

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Часть первая. ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ	13
Часть вторая. ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ	119
Часть третья. ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ СИЛ	222
Часть четвертая. ТОЧКА ФОКУСА	317